

УДК 821.161.1(092)

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-28-42

© Май Амин Гуда Габалла¹*Университет Айн Шамс (Каир, Египет)**Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)*

ГОГОЛЕВСКИЙ «СЛЕД» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В. В. КОРСАКА-ЗАВАДСКОГО

Статья посвящена исследованию влияния духовных и художественных исканий Н. В. Гоголя на формирование творческой личности и поэтики писателя первой волны русской эмиграции В. В. Корсака-Завадского. Методологией служат сравнительно-исторический, культурно-типологический подход и принципы исторической поэтики. Делается вывод о том, что гоголевский романтический подход к отражению реальности дал писателю возможность сочетания религиозного мировоззрения с утопизмом и лиризмом. Если утопизм Гоголя был связан со смехом как орудием искоренения пороков, то в творчестве Корсака-Завадского мы имеем дело с утопизмом памяти, основанном на идее эстетико-религиозного воскрешения души человека.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, В. В. Корсак-Завадский, Н. В. Гоголь, романтический реализм, эстетический морализм, утопизм, религиозное мировоззрение

Mai A. G. Gaballah*Ain Shams University (Cairo, Egypt)**Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)*

N. V. GOGOL'S INFLUENCE ON V. V. KORSACK- ZAVADSKY'S CREATIVE BIOGRAPHY

The article is devoted to the study of the influence of N.V. Gogol's spiritual and artistic ideas on the formation of the creative personality and poetics of V. V. Korsak-Zavadsky, the writer of the first wave of Russian emigration. The methodology is based on a comparative-historical, cultural-typological approach and principles of historical poetry. It concludes that Gogol's romantic approach to the reflection of reality allows Korsak-Zavadsky to combine a religious worldview with utopianism and lyricism. While Gogol's utopianism was associated with laughter as a tool for eradicating vices, in the work of Korsak-Zavadsky we encounter a utopianism of memory based on the idea of the aesthetic and religious resurrection of the human soul in opposition to the apocalyptic present and the Western secularism.

Keywords: Russian Émigré Literature; V. V. Korsak-Zavadsky; N. V. Gogol; romantic realism; aesthetic moralism; utopianism; religious worldview

¹ Май Амин Гуда Габалла – ассистент Университета Айн Шамс (Каир, Египет); аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-9305-5857. E-mail: mai.amin@alsun.asu.edu.eg.

Творчество писателя первой волны русской эмиграции Вениамина Валериановича Завадского (псевдоним: Корсак²) (1884–1944) до сих пор не вполне исследовано³ в связи с непереизданием его произведений в России⁴ и недостаточным изучением его архива. Начало творческого пути Корсака – 1922 год, и, согласно рукописям писателя в Бахметевском архиве (Нью-Йорк, США), именно с 1923 по 1930 г. была завершена значительная часть прижизненных изданий писателя [см.: Bakhmeteff Archive, box 5;7]. Это было периодом осознания русской эмиграцией своей миссии как хранительницы русской духовной культуры в условиях изгнания. Задачи русской эмиграции – подготовка к возрождению России, сохранение связи с Родиной через объединение вокруг православной церкви и установление «большого духовного единения» разных христианских конфессий [см.: Духовные задачи русской эмиграции, 1925, с. 3–8]. Здесь содержались основные идейные ориентиры для осуществления Корсаком своей миссии.

Хотя творчество писателя развивалось в русле литературы русского зарубежья, он обращается к произведениям русских классиков, в первую очередь А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, воспринимая их как «отклик прекрасного мира» [Корсак, 1936, с. 161], некогда существовавшего, и как средство для сохранения своей идентичности. При этом можно отметить особое значение Гоголя для религиозного мировоззрения писателя, что было обусловлено репутацией Гоголя, согласно мысли В. Зеньковского, как «апостола идеи преобразования жизни на началах Православия» [Зеньковский, 1994, с. 302]. Следует отметить, что влияние Гоголя стало усиливаться через близость Корсака к А. М. Ремизову, посвятившему ряд художественных и критических работ осмыслению феномена классика как одной «из ключевых фигур процесса становления русской литературы» в аспекте «постижения истинной природы мира и человека» [Грачева, 2022, с. 60] и в силу бурного развития гоголеведения в эмигрантской критике [см.: Воропаев, 2020, с.138–163].

В своей первой серии мемуарных повестей о жизни в немецком плену во время Первой мировой войны и Гражданской войны («Плен», 1927, «Забытые», 1928, «У красных», 1930, «У белых», 1931, «Великий исход», 1931) Корсак,

² Далее в тексте используется литературный псевдоним писателя – «Корсак».

³ См.: [Бортновский, 2019; Кадамьяни, 2017; Коваленко, 2018; Ульянов, 2022; Габалла, 2023; Габалла, 2024; Габалла, 2025].

⁴ На данный момент в России переиздано всего пять повестей из семнадцати книг прозы, написанных Корсаком с 1923 по 1940 гг. См.: [Корсак, 2011a; Корсак, 2011b].

осмысляя причины пережитых событий начала XX в. и отыскивая пути спасения человечества, исходил из долга памяти. Свой замысел писатель реализует через гоголевские подходы, отсюда изобилие прямых отсылок к комедии «Ревизор» и поэме «Мертвые души». Место действия трагикомических эпизодов находим в воспоминаниях Корсака о службе у большевиков и у белых после возвращения из немецкого плена. Антропонимы («Спирохетов», «Блохин», «Стулов», «Кнопка», «Торф» и др.⁵) в повести «У красных», использованные для передачи характеристик советских комиссаров, – в манере описания гоголевских «мертвых душ». При этом в сюжет включены эпизоды, разоблачающие нелепости и абсурд службы в советском комиссариате. Это, например, эпизоды о товарище Спирохетове, который, осознав неспособность служащего к канцелярскому делу, вместо того, чтобы его уволить, назначил его своим помощником [см.: Корсак, 2011b, с. 106], и товарище Стулове, на глазах которого служащие переводили стрелки стенных часов, чтобы сократить рабочий день [см.: Корсак, 2011b, с. 106].

Интересно, что при стремлении придерживаться объективного изображения пороков командиров Белой армии, писатель обращается к гоголевским художественным приемам комического пародирования. Так в повести «Великий исход», например, в эпизоде о сомнительном окружении командира, в которое вошли начальник уголовного розыска и прапорщик, «сидевший в тюрьме за спекуляцию» [Корсак, 2011b, с. 298], вспоминаются образы гоголевского городничего *А. А. Сквозник-Дмухановского* и помещика *Петуха* (у Корсака – Петухов) [см.: Корсак, 2011b, с. 297].

«Простой человек», через образ которого раскрываются события революции и войны у Корсака, напоминает «маленького человека» Гоголя, и в некоторых эпизодах самые простые нужды участников событий становятся навязчивыми, как мечта Акакия Акакиевича Башмачкина о шинели (у Корсака – это мечта персонажей о теплой обуви во время отступления Белой армии). При этом писатель прибегает к приему контраста, изображая в одном и том же эпизоде типы командиров Красной, Белой армии и образы состоятельных людей Одессы в противоположность *маленьким людям* (солдатам и простому народу), тем самым оттеняя их трагическое положение, подобно тому, как образ Акакия Акакиевича оттеняет пороки начальства.

После публикации первых двух частей мемуарной серии – «Плен», «Забывтые» и романа «История одного контролера» (1929) – интерес писателя

⁵ Курсив здесь и далее наш. – М.А.Г.Г.

направлен к народному фольклору и мистико-фантастическим повестям Гоголя, что нашло отражение в малой прозе Корсака конца 1920 гг. – в рассказах «Розовая чепуха», «Весенний вздор» и «Баранья голова». Сюжетом здесь служат воспоминания героя-повествователя, молодого топографа⁶, о своих приключениях в окрестностях Царства Польского и Центральной Азии. Выбор рассказчиком своей профессии в этих произведениях обусловлен его «постоянным стремлением видеть новые места, входить в общение с новыми людьми и любовью к природе» [Корсак, 1929, с. 4], и в этом мы находим отзвуки гоголевского увлечения историей и географией. Сам писатель рассуждал о необходимости «проездиться по России» [см.: Гоголь, 2009b, с. 89–96]. Гоголевский «след» в этих рассказах очевиден еще и в повторяющихся репликах персонажей о смысле служения, которое дает человеческой жизни «оправдание» [см.: Корсак, 1928а, с. 3] в религиозном смысле. В рассказе «Баранья голова» Корсака высказана та же мысль в словах «богомольного» Семена, по мнению которого, «крестьянство только и есть настоящий труд, только тот и угоден Богу, кто на земле работает» [Корсак, 1929, с. 4].

В рассказах «Весенний вздор», «Розовая чепуха» – отголоски Гоголя: Корсак делает попытку создать цикл «польских рассказов» с идиллическими и фольклорными романтическими мотивами. Мистический и демонологический фон в сюжете отсутствует, но анализ женских персонажей, панн, позволяет предположить, что эти рассказы были набросками незавершенного замысла цикла повестей, аналогичных гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и «Миргороду», только события в них разворачиваются не в Малороссии, как у Гоголя, а в Царстве Польском, связанном с биографией писателя-эмигранта. В этих рассказах главное – эрос, идея вечной женственности и искушения, а сюжет выстраивается вокруг идеализированного образа красавиц панн и графинь, с которыми встречается рассказчик. В рассказе «Весенний вздор» воссоздан фольклорный образ Белой панны, а место действия – имение владельцев средневекового замка. Унаследованная Корсаком романтическая идея вечной женственности (подобно Гоголю, он в красоте «хочет угадать и постигнуть божественное начало» [Гиппиус, 1994, с. 39]) нашла отражение как в ранних рассказах, так и произведениях 1930–1940-х гг. Но у писателя мотив любви не столь трагичен/трагикомичен, как у Гоголя (Андрей, Вакула, Пискарев и др.).

⁶ Чтобы судить об автобиографичности героя-повествователя, нужно выявить, служил ли сам писатель землемером или нет, что пока не установлено. Нам известно, что старший брат писателя Валериан Валерианович Завадский (1878–?) прошел подготовку в Астраханской губернской чертежной в 1909 и служил помощником землемера в Саратовской губернской чертежной [см.: ГА Саратовской области, Л. 1, 3, Зоб.].

Наиболее ощутим «след» Гоголя в рассказе Корсака «Баранья голова», опубликованном в 1929 г. по случаю 120-летия со дня рождения русского классика. Главная сюжетная линия в этом рассказе – ретроспективное воспоминание русского эмигранта-инвалида об историях, произошедших с ним в России и связанных с нечистой силой. Рассказ состоит из двух отдельных эпизодов, соотносенных мистическим явлением «бараньей головы» со зловещими красными глазами, – реминисценция из двух повестей Гоголя «Заколдованное место» и «Вечер накануне Ивана Купала». Гоголевское «трагическое мироощущение», унаследованное русским классиком от немецких романтиков [Гиппиус, 1994, с. 32], и религиозное понимание черта как «явления бессмертной пошлости людской» [Мережковский, 1906, с. 2] – вот что ощущается в этом рассказе. При этом герои рассказа «Баранья голова» не втягиваются во взаимодействие с демонами, как гоголевские Петрусь или старик. Но у Корсака мистико-фантастический образ «бараньей головы» – подобие «маски» гоголевского Басаврюка – олицетворение цикличности зла, в круговорот которого вовлечен сам писатель в начале XX в. Этот образ появляется и в других произведениях Корсака, например, инспектор гимназии (роман «Шарманка»), при вмешательстве которого было принято несправедливое решение об отчислении героя из гимназии [см.: Корсак, 1937, с. 248]. Примечательно, что, завершая свой рассказ, автор делает акцент на «вечности» зла указанием на повторное появление «маски» бараньей головы уже не в России, а на Монпарнасе. Ключ к пониманию заключительной реплики в вышеупомянутом рассказе мы находим в романе «Учитель музыки» А. Ремизова, по словам которого, баранья голова появилась на собрании среди философов, обсуждающих вопрос о литературной премии [см.: Ремизов, 2002, с. 408].

В конце 1920-го года у Корсака возникла мысль о создании утопии на основе гоголевской идеи эстетического морализма и религиозной мечты о христианском преображении жизни. Так, на протяжении 1930-х годов писатель работал над поэмой «Юра»⁷ с мыслью о «мечте человеческой» [см.: Адамович, 1935, с. 2]. Высказывания писателя по поводу мечты о «воскресении и воскрешении всего жившего, возвращении его к жизни в новом преобразуемом виде» [Getty Research Institute, box 86, folder 2, № 1] обнаруживают двойкий смысл понятия «мечта» – традиционный и романтический [Лотман, 1996, с. 19]. В сохранившихся рукописных тетрадах первых трех частей автобиографической тетралогия «Юра» («Юра» (1935), «Жуки на солнце» (1936), «Шарманка» (1937) и «Печать» (1938) – заглавие «Мечта ускользающая» [см.: Bakhmeteff Archive, box 5].

⁷ О том, как зародился у писателя замысел изображения этой идиллии, которую он назвал «Opus № 8», см.: [Корсак, 1939, с. 117–118].

Замысел этих произведений связан с осознанием писателем своей миссии, и мыслью, высказанной однажды Ремизову во время работы над тетралогией: «Не на покупателя пишу, а потому, что хочу и мне самому интересно, это дело моей жизни, и без меня никто такого не скажет!» [Ремизов, 2002, с. 238]. Это высказывание Корсака напоминает слова Гоголя по поводу изъятых материалов из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «тебе важно дело собственно литературное. Мне важно то дело, которое больше всего щемит и болит в эту минуту» [Гоголь, 2009с, с. 61]. И неслучайно Лотман назвал Гоголя не писателем, но «деятелем» [Лотман, 1996, с. 32]. Оба писателя через свое творчество искали путь спасения, и оба нашли его именно в религии, поэтому религиозно-моралистическим сознанием пронизаны размышления многих персонажей дореволюционной русской идиллии Корсака.

Можно предполагать, что, Корсак, с одной стороны, опирался на гоголевские типы («Мертвые души», «Ревизор», «Старосветские помещики»), с другой – на идиллические отношения «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сначала отметим, что автобиографичность произведений Корсака и его настроенность на создание романтично-идиллического образа потерянного рая не позволяет говорить об отталкивании Корсака только от традиций Гоголя, и также считать его произведения «сборищем уродов» или «сплошной пошлостью» – определения современных Гоголю критиков поэмы Гоголя. Если замысел «Мертвых душ» Гоголя подчиняется «внутренней потребности контраста между реальностью и религиозной мечтой» [Зеньковский, 1994, с. 229], то Корсак, наоборот, воссоздавая утопическое пространство, стремится в своей поэме к изображению гармонии между ними. В его письме к Т. С. Варшер («Захотелось мне рассказать о том, чем болит сердце и дух человеческий. О чистой любви, об очищающем страдании, о стремлении человека победить смерть и черное ничто. И я взялся за работу» [Getty Research Institute, box 86, folder 2, № 3]) обнаруживается стремление писателя воссоздать в цикле «Юра» утопию в противоположность духовному убожеству и пошлости героев Гоголя. Оба писателя преследовали одну и ту же цель, но каждый искал свой путь для ее достижения.

Заметно, что прототипами некоторых персонажей Корсак выбрал гоголевских «Старосветских помещиков» (роман «Жуки на солнце»). Хозяев, у которых останавливалась семья героя при переселении [см.: Корсак, 1936, с. 23] и в заимке Федора Силыча и его супруги Елены Дмитриевны [см.: Корсак, 1936, с. 242], для которых характерна оппозиция материальных и духовных потребностей, писатель наделил особым религиозным мироощущением. На вопрос, не тоскует ли

он, живя в степи, по церкви, Федор Силыч отвечает: «выйдешь из дому вечером, пройдешься, или посидишь за воротами – ну как бы в церкви побывал. Над головой – купол небесный, а земля – как бы храм самый» [Корсака, 1936, с. 254].

Безмятежная жизнь персонажей в произведениях Корсака нарушается, как и у Гоголя, только смертью. Например, в романе «Юра» у пастуха Игната, предвидевшего свою смерть, единственное желание – поесть белого хлеба, и, удовлетворив свое последнее желание, пастух спокойно умер [см.: Корсака, 1935, с. 117]. Наблюдая за этой сценой, герой Корсака задается вопросом, почему пастух, подобно гоголевской Пульхерии Ивановне, перед самой смертью не озабочен стоянием перед Богом и Страшным судом. Здесь есть библейский подтекст, прямая отсылка к выражению: «не хлебом единым жив человек» [Евангелие от Матфея 4:4]. Подобная спокойная смерть приобретает у корсаковского героя христианский смысл, подталкивая героя к размышлениям о нравственном совершенствовании человека. Другой мотив, позаимствованный из «Старосветских помещиков» Гоголя, – мотив таинственного голоса, который слышат персонажи перед смертью. В романе Корсака «Шарманка» этот голос («А он сегодня умрет» [Корсака, 1937, с. 206]) услышал герой перед смертью друга, гимназиста Щербинина, и этот зов оказался предвестником собственной смерти героя.

Воссоздавая картину провинциальной жизни в цикле «Юра», писатель исходит из идеи преобразования социального строя на основе христианства. Идея пути праведного хозяйствования была изложена в статье Гоголя «Русской помещик» [см.: Гоголь, 2009b, с. 109–115]. Можно заметить, что в воспоминаниях маленького Юры нет иерархии сельских отношений между тетей и крестьянами; их отношения изображены как абсолютно идеальные, пронизанные гуманизмом и снисходительностью. Таков же характер отношений между отцом-судьей как представителем Божьей власти на земле и его подчиненными в суде и в доме. В первых частях тетралогии «Юра» отсутствует конфликт, идиллия разрушена только в третьей части – романе «Шарманка» – в связи со смертью отца, символически нарушающей Божью правду. Этим объясняется резкий поворот в судьбе героя и появление гоголевского Басаврюка – инспектора гимназии [см.: Корсака, 1937, с. 248]. От разрушенной идиллии Корсака переходит к изображению военного периода жизни героя в четвертой части вышеупомянутой тетралогии (роман «Печать»).

Возвращаясь к вопросу об эстетическом и религиозном мироощущении Корсака, следует отметить, что в 1930-е гг. писатель совершал поездки в Италию, где проводил время «аскетично-библиотечно», изучая исторические источники

по истории христианства и искусства в итальянских библиотеках⁸. Так в письме к Варшер от 16 октября 1938 г. он пишет: «Пока что я обосновался в библиотеке Seminarium Russian и читаю про первые века христианства и гонения. Много вопросов есть, с которыми мне хотелось бы поделиться» [Getty Research Institute, box 86, folder 2, № 18].

Результатом этих занятий стал исторический очерк «Рим» (1948) (одноименный с произведением Гоголя), в котором писатель предпринимает попытку осмыслить современную историю через углубленное изучение Древнего мира. Корсаку была присуща гоголевская эстетическая восприимчивость, т.е. «приложение эстетического критерия при оценке различных эпох в истории» [Зеньковский, 1994, с. 249]. Поэтому у него города представлены как персонажи произведений и значительна роль экфрасиса в сюжете в духе гоголевского понимания архитектуры как «антитезы уродливому» [Лотман, 1996, с. 32]. Неслучайно, что в повествование писатель включает целые эпизоды, посвященные изложению истории городов Древнего мира (Рима, Александрии) и России⁹.

Однако работа над историей Рима была прервана началом Второй мировой войны, и дорога в Италию стала закрытой для писателя. Наступил переломный период в его жизни, когда он испытывал, говоря его словами, «острое недоверие к себе, к уже сделанному, к смыслу сделанного» [Getty Research Institute, box 86, folder 2, №. 23]. С этими переживаниями писатель взялся в начале 1940 г. за написание изданной уже после его смерти автобиографической трилогии «Один» (1951), «Вдвоем» (1952), «Со всеми вместе» (1952), в которой прослеживается судьба русского эмигранта Николая Шевелева с первых дней его парижской жизни до начала Второй мировой войны. На наш взгляд, вышеупомянутые романы можно осмыслить как итоговые, «лирико-философско-публицистические» [см.: Плеханова, 2016]. В этих произведениях Корсака изложены взгляды писателя на такие «большие вопросы», как судьба русской эмиграции, эстетическое и духовное оскудение современной европейской культуры, роль России в мировой истории и национальный вопрос, польский вопрос и отношения между Советской Россией и прибалтийскими государствами.

Обратимся к роману «Один» (1951), единственному произведению Корсака, в котором изображена история героя на фоне картины трагической жизни русской диаспоры в межвоенный период. В романе высказаны религиозно-эстетические

⁸ Особенно в Германском археологическом институте, где ему оказывала помощь русский журналист и археолог Т. С. Варшер, а также русские художники и ученые, жившие в Италии.

⁹ Например, см.: Корсак, 1928b, с. 3.

взгляды писателя и его понимание европейской культуры [см.: Корсак, 1951, с. 75]. Прожив некоторое время в семье monsieur Дювернуа, Шевелев испытал отвращение к хозяевам, к их бездуховности, к ритму жизни в сером Париже, в который ему сложно интегрироваться [см.: Корсак, 1951, с. 47–48]. Кроме того, отчуждение героя ощутимо и среди «своих», других эмигрантов, которые относились с недоверием друг к другу. Переходя к размышлениям о воздействии жизни в большом городе на нравственно-эстетические и художественные установки личности, Корсак обращается к «Петербургским повестям» Гоголя, создавая оппозицию Петербург / Париж.

В романе «Один», помимо Шевелева, «техника по образованию», сюжет выстраивается вокруг истории художника эмигранта Шапшала, благодаря которому герой Корсака знакомится с русским Монпарнасом. Рассуждая о новых тенденциях в искусстве, об отношении к классическому наследию, угрозе утраты самобытности и гибели русской культуры в эмиграции под воздействием западной цивилизации, персонажи Корсака поднимают проблему корысти, считая, что никому из писателей, кроме Гоголя в повести «Портрет», не удалось так отчетливо передать эту мысль [см.: Корсак, 1951, с. 62]. Можно заметить, как в главе «Богема», посвященной вопросу о молодой эмигрантской литературе, художник Шапшал считает, что строгость и благочестие «в глубоко-религиозном смысле» [Корсак, 1951, с. 60] – кредо художника, будь он поэт, актер или живописец. Подобная мысль о «благочестии как основе художественной деятельности» была высказана в 1902 г. И. И. Замотиным по поводу романтизма Гоголя, сочетающего религиозно-романтический идеал с древнерусским идеалом святости [цит. по: Гоголь, 2009а, с. 523]. Можно предположить, что в истории Чарткова Корсак угадывает судьбу современных ему декадентских течений, утверждает мысль о значении веры для истинного искусства, оправдывая тем самым пройденный им путь.

Если сравним слова старика-художника гоголевской повести («намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве» [Гоголь, 2009а, с. 114]) и определение искусства, данное художником Шапшалом в романе Корсака («отблеск рая, потерянного и вновь находимого» [Корсак, 1951, с. 60]), становится ясно, что писатель принимает гоголевский взгляд на искусство как путь к Богу.

Таким образом, писателя-эмигранта Корсака привлекли мессианизм и сверхцель Гоголя, его мысль о писательстве как средстве для служения «объективному смыслу добра». В творческой биографии Корсака неочевиден такой резкий переход от эстетизма к религиозности, присущий духовному и творческому

пути русского классика. Воссозданные Корсаком типы в военных мемуарах и отсылки к произведениям Гоголя «Ревизор» и «Мертвые души» служат ответом на то, что Н. Бердяев назвал «заблуждением революционного сознания» [Бердяев, 1967, с. 76], согласно которому революция должна была очищать Россию от подобных гоголевским персонажам типов. Корсак в своих произведениях показывает фальшивость этих предположений, устанавливая продолжение зла и факт о неосуществимости гоголевской утопии. Кроме того, если утопизм Гоголя заключался в вере в «целительное действие смеха» как очищающей силы, то утопизм писателя-эмигранта выражается в вере в важность религии и памяти для преображения прошлого как «второй живой реальности». Отмеченные Лотманом размышления Гоголя о том, что изображение зла характеризует его творение, можно использовать для доказательства того, что именно они приводят Корсака к созданию идиллии дореволюционной России. Однако значение русского классика не ограничивается формированием мировосприятия Корсака, но определяет литературное течение, по принципам которого развивается его творчество. Писатель-эмигрант глубоко воспринимает принципы гоголевского «романтического реализма»¹⁰ в целях реализации мечты о воскрешении и преображении действительности при сохранении документально-автобиографической основы произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адамович, Г.** Литературные заметки / Г. Адамович // Последние новости. 1935. – № 5180. – С. 2.
2. **Бердяев, Н. А.** Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Из глубины. Сборник статей о русской революции. – Париж: YMCA-PRESS, 1967. – С. 67–107.
3. **Бортновский, А.** Постреволюционная действительность глазами маленького человека. Мемуарная проза Вениамина Корсака / А. Бортновский // Studia Rossica Posnaniensia. – 2019. – № 44(1). – С. 179–188.
4. **Воропаев, В. А.** Миросозерцание и поэтика Н. В. Гоголя в критике русской эмиграции (1921–2018) / В. А. Воропаев // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – № 4. – С. 138–163.
5. **Габалла, М. А.** Психологическая травма в автобиографических повестях В. В. Корсака-Завадского «Плен» и «забытые» / М. А. Габалла // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года. Сборник тезисов. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 149.

¹⁰ О значении понятия «романтический реализм» см.: [Карпов, 2023, с. 97].

6. **Габалла, М. А.** Забытые имена русской эмиграции. Штрихи к творческой биографии В. В. Корсака-Завадского / М. А. Габалла // Литературный факт. – 2025. – № 4 (38). – С. 235–260.

7. **Габалла, М. А.** Мемуары В. В. Корсака-Завадского как «человеческий документ» в контексте литературы русского зарубежья / М. А. Габалла // Литературоведческий журнал. – 2024. – № 4(66). – С. 137–156.

8. **Гиппиус, В. Гоголь** / В. Гиппиус // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / В. Гиппиус, В. Зеньковский. – Санкт-Петербург: Logos, 1994. – С. 9–188. – (Серия: Судьбы. Оценки. Воспоминания).

9. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии / Н. В. Гоголь. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 688 с.

10. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 744 с.

11. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 14: Переписка 1847 / Н. В. Гоголь. – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – 608 с.

12. **Государственный архив Саратовской области (ГАСО)** ГА Саратовской области (ГАСО), ф. 654, опись 1. Д. 6263.

13. **Грачева, А. М.** Н. В. Гоголь и А. М. Ремизов: эстетическая константа и юбилейные переменные / А. М. Грачева // Русская литература. – 2022. – № 4. – С. 58–71.

14. **Зеньковский, В. Н. В. Гоголь** / В. Зеньковский // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / В. Гиппиус, В. Зеньковский. – Санкт-Петербург: Logos, 1994. – С. 189–338.

15. **Кадамьяни, Ч.** Отражение революционных событий и Гражданской войны в произведениях и письмах В. В. Завадского-Корсака / Ч. Кадамьяни // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья: Международная науч.-просветительская конференция, Москва, 26–28 октября 2017 г. – Москва: Вифсаида; Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2017. – С. 229–240.

16. **Карпов, А. А.** Разрушение или экспансия? (романтизм и творчество Гоголя середины 1830-х годов) / А. А. Карпов // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года. Сборник тезисов. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 97.

17. **Коваленко, Е. И.** Индивидуально-авторские элементы интертекста в русскоязычной мемуарной прозе (на материале произведения В. Корсака «Плен») / Е. И. Коваленко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 57–71.

18. **Корсак, В.** Весенний вздор / В. Корсак // Дни. – 1928. – 29 января. – № 1313. – С. 3.
19. **Корсак, В.** В рассеянии сущие / В. Корсак // В гостях у капитана / В. Корсак. – Париж-Таллин: Изд-во «Русская книга», 1939. – С. 114–121.
20. **Корсак, В.** Плен; Забытые / В. Корсак // Забытая война: сб. ист. лит. произв. – Москва: Содружество «Посев», 2011. – С. 5–332.
21. **Корсак, В.** У красных; У белых; Великий исход / В. Корсак // Красная смута: сб. ист. лит. произв. – Москва: Содружество «Посев», 2011. – С. 51–470.
22. **Корсак, В.** Баранья голова (охотничий рассказ) / В. Корсак // Последние новости. – 1929. – 15 сентября. – № 3098. – С. 4–5.
23. **Корсак, В.** Жуки на солнце / В. Корсак. – Париж; Таллин: Русская книга, 1936. – 277 с.
24. **Корсак, В.** Лунной ночью / В. Корсак // Дни. – 1928. – 7 января. – № 1291. – С. 3.
25. **Корсак, В.** Один. Роман из жизни эмиграции / В. Корсак. – Париж: Дом книги, 1951. – 219 с.
26. **Корсак, В.** Шарманка / В. Корсак. – Париж; Таллин: Русская книга, 1937. – 265 с.
27. **Корсак, В.** Юра / В. Корсак. – Париж; Берлин: Парабола, 1935. – 230 с.
28. **Лотман, Ю. М.** О реализме Гоголя / Ю. М. Лотман // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту: Тартуский университет, 1996. – С. 11–35.
29. **Мережковский, Д. С.** Гоголь и черт. Исследование / Д. С. Мережковский. – Москва: Скорпион, 1906. – 218 с.
30. **Плеханова, И. И.** Книга «Сибирь, Сибирь...» В. Распутина как лирико-философско-публицистический трактат / И. И. Плеханова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 115–134.
31. **Ремизов, А. М.** Учитель музыки. Каторжная идиллия // Ремизов А. М. Собрание сочинений Т. 9 / А. М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – 512 с.
32. **Ульянов, П. В.** К вопросу о «германофобии» в автобиографической повести российского офицера В. В. Корсака периода Первой мировой войны / П. В. Ульянов // Былые годы. – 2022. № 17(2). – С. 1041–1049.
33. **Bakhmeteff Archive.** Rare Book and Manuscript Library. Ven'iamin V. Korsak-Zavadskii and Nadezhda A. Dobrovol'skaia-Zavadskaia Papers, 1925–1950.

34. **Getty Research Institute**, Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002.M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86, folder 2.

REFERENCES

1. **Adamovich, G.** Literaturnye zametki / G. Adamovich // *Poslednie novosti*. 1935. – № 5180. – S. 2.
2. **Berdiaev, N. A.** Dukhi russkoy revoliutsii / N. A. Berdiaev // *Iz glubiny*. Sbornik statey o russkoy revoliutsii. – Parizh: YMCA-PRESS, 1967. – S. 67–107.
3. **Bortnovskiy, A.** Postrevoliutsionnaya deistvitel'nost' glazami malen'kogo cheloveka. Memuarnaya proza Veniamina Korsaka / A. Bortnovskii // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 2019. – № 44(1). – S. 179–188.
4. **Gaballah, M. A.** Memuary V. V. Korsaka-Zavadskogo kak «chelovecheskii dokument» v kontekste literatury russkogo zarubezh'ia / M. A. Gaballah // *Literaturovedcheskiy zhurnal*. – 2024. – № 4(66). – S. 137–156.
5. **Gaballah, M. A.** Psikhologicheskaya travma v avtobiograficheskikh povestiakh V. V. Korsaka-Zavadskogo «Plen» i «zabytye» / M. A. Gaballah // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Liudmily Alekseevny Verbitskoy, 14–21 marta 2023 goda. Sbornik tezisev. – Sankt-Peterburg, 2023. – S. 149.
6. **Gaballah, M. A.** Zabytye imena russkoy emigratsii. Shtrikhi k tvorcheskoy biografii V. V. Korsaka-Zavadskogo / M. A. Gaballah // *Literaturnyy fakt*. – 2025. – № 4 (38). – S. 235–260.
7. **Gippius, V.** Gogol' / V. Gippius // *Gippius V. Gogol'; Zen'kovskiy V. N. V. Gogol' / V. Gippius, V. Zen'kovskiy*. – Sankt-Peterburg: Logos, 1994. – S. 9–188.
8. **Gogol', N. V.** Polnoe sobraniy sochineniy: v 17 t. T. 3: Povesti; T.4: Komedii / N. V. Gogol'. – Moskva: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009. – 688 s.
9. **Gogol', N. V.** Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 t. T. 6: Vybrannye mesta iz perepiski s druz'iami / N. V. Gogol'. – Moskva: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009. – 744 s.
10. **Gogol', N. V.** Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 t. T. 14: Perepiska 1847 / N. V. Gogol'. – Moskva: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009. – 608 s.
11. **Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)** GA Saratovskoy oblasti (GASO), f. 654, opis' 1. D. 6263.
12. **Gracheva, A. M.** N. V. Gogol' I A. M. Premise: esteticheskaya konstanta i iubileinye peremennye / A. M. Gracheva // *Russkaya literatura*. – 2022. – № 4. – S. 58–71.

13. **Kadaman'iani, Ch.** Otrazhenie revoliutsionnykh sobytiy i Grazhdanskoj voyny v proizvedeniiah i pis'makh V. V. Zavadskogo-Korsaka / Ch. Kadaman'iani // 1917 god v istorii i sud'be rossiiskogo zarubezh'ya: Mezhdunarodnaya nauch.-prosvetitel'skaya konferentsiya, Moskva, 26-28 oktiabrya 2017 g. – Moskva: Vifsaida; Dom Russkogo Zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2017. – S. 229–240.

14. **Karpov, A. A.** Razrushenie ili ekspansiya? (romantizm i tvorchestvo Gogolia serediny 1830-kh godov) / A. A. Karpov // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Liudmily Alekseevny Verbitskoj, 14–21 marta 2023 goda. Sbornik tezisov. – Sankt-Peterburg, 2023. – S. 97.

15. **Kovalenko, E. I.** Individual'no-avtorskie elementy interteksta v ruskoiazychnoy memuarnoj proze (na materiale proizvedeniya V. Korsaka "Plen") / E. I. Kovalenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. – 2018. – № 4. – S. 57–71.

16. **Korsak, V.** Baran'ia golova (okhotnichiy rasskaz) / V. Korsak // Poslednie novosti. 1929. 15 sentiabria. – № 3098. – S. 4–5.

17. **Korsak, V.** Iura / V. Korsak. – Parizh–Berlin: Parabola, 1935. – 230 s.

18. **Korsak, V.** Lunnyy noch'iu / V. Korsak // Dni. – 1928. – 7 ianvaria. – № 1291. – S. 3.

19. **Korsak, V.** Odin. Roman iz zhizni emigratsii / V. Korsak. – Parizh: Dom knigi, 1951. – 219 s.

20. **Korsak, V.** Plen; Zabytye / V. Korsak // Zabytaya voina: sb. ist. lit. proizv. – Moskva: Sodruzhestvo «Posev», 2011. – S. 5–332.

21. **Korsak, V.** Sharmanka / V. Korsak. – Parizh–Tallin: Russkaya kniga, 1937. – 265 s.

22. **Korsak, V.** U krasnykh; U belykh; Velikii iskhod / V. Korsak // Krasnaya smuta: sb. ist. lit. proizv. – Moskva: Sodruzhestvo «Posev», 2011. – S. 51–470.

23. **Korsak, V.** Vesenniy vzdor / V. Korsak // Dni. – 1928. – 29 ianvaria. – № 1313. – S. 3.

24. **Korsak, V.** V rasseianii sushchie / V. Korsak // V gostiakh u kapitana / V. Korsak. – Parizh–Tallin: Izd-vo «Russkaya kniga», 1939. – S. 114–121.

25. **Korsak, V.** Zhuki na solntse / V. Korsak. – Parizh–Tallin: Russkaya kniga, 1936. – 277 s.

26. **Lotman, Iu. M.** O realizme Gogolia / Iu. M. Lotman // Trudy pop risky I slavianskoj filologii. – Tartu: Tartuskiy universitet. 1996. – S. 11–35.

27. **Merezhkovskiy, D. S.** Gogol' i chert. Issledovanie / D. S. Merezhkovskiy. – Moskva: Skorpiion, 1906. – 218 s.

28. **Plekhanova, I. I.** Kniga «Sibir', Sibir'...» V. Rasputina kak liriko-filosofsko-publitsisticheskiiy traktat / I. I. Plekhanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2016. – № 3 (41). – S. 115–134.

29. **Remizov, A. M.** Uchitel' muzyki. Katorzhnaya idilliya / A. M. Remizov // Remizov A. M. Sobraniy sochineniy / A. M. Remizov. – Moskva: Russkaya kniga, 2000. – T. 9. – 512 s.

30. **Ul'ianov, P. V.** K voprosu o «germanofobii» v avtobiograficheskoy povesi rossiiskogo ofitsera V. V. Korsaka perioda Pervoy mirovoy voiny / P. V. Ul'ianov // Bylye gody. – 2022. – № 17(2). – S. 1041–1049.

31. **Voropaev, V. A.** Mirosozertsanie i poetika N. V. Gogolia v kritike russkoy emigratsii (1921–2018) / V. A. Voropaev // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2020. – № 4. – S. 138–163.

32. **Zen'kovskiy, V. N.** V. Gogol' / V. Zen'kovskiy // Gippius V. Gogol'; Zen'kovskiy V. N. V. Gogol' / V. Gippius, V. Zen'kovskiy. – Sankt-Peterburg: Logos, 1994. – S. 189–338.

33. **Bakhmeteff Archive.** Rare Book and Manuscript Library. Ven'iamin V. Korsak-Zavadskii and Nadezhda A. Dobrovol'skaia-Zavadskaia Papers, 1925–1950.

34. **Getty Research Institute,** Halsted B. Vander Poel Campanian Collection, circa 1570–1997, Accession no. 2002. M.16. Series II. A. Letters, 1924–1997, bulk 1924–1947. Tatiana Warscher papers, Letters. Box 86, folder 2.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026 г.